

МУЗЕЙНОЕ ДЕЛО

Панорама Нижнего парка с праздничной подсветкой.

Покачаться на шняве «Мункер»

В ПЕТЕРГОФЕ ПОЯВИЛСЯ «МУЗЕЙ УТРАЧЕННЫХ СОБЫТИЙ»

В СТАРИННОМ небольшом здании на углу Дворцовой площади и Правленской улицы, где располагался Музей императорских велосипедов, теперь можно увидеть «Государевы потехи». Две недели новый музейный проект будет работать в тестовом режиме, а потом откроется для всех желающих.

Как пояснила генеральный директор ГМЗ «Петергоф» Елена Кальницкая, это своеобразный «музей утраченных событий». Каждый зал — как театральный черный кабинет, где разворачивается путешествие во времени: «Забавные дворцы», «Петергофский театр», «Водяная потеха», «Приятная прогулка на Бабигон», «Петергофский праздник и огненные потехи», «Императорские велосипеды». Видеоинсталляции, интерактивный стол, мультимедийная книга, световые проекции, подлинные костюмы и предметы, оригинальные макеты, звуковое сопровождение — все это рождает неповторимую атмосферу ушедшего времени. Среди интерактивных экспонатов — подлинные предметы, костюмы, те самые старинные велосипеды, коллекция которых так славен Петергоф.

Музей — это хранение подлинных пред-

Сельский домик в Луговом парке.

метов, свидетелей времени, изучение их и представление публике. Но вот как представить, как ощутить себя на борту шнявы «Мункер», которая бодро переваливается с вол-

ны на волну в Финском заливе? Именно с нее завидел Петр заветный берег, где решил основать свою парадную резиденцию — будущий Петергоф. Музей дает такую возможность — даже качку почувствовать.

А каким был старинный театр в Верхнем саду? Теперь и это можно увидеть. Рассмотреть внимательно воссозданную театральную машинерию, костюмы, увидеть сцену и силуэты дам и кавалеров. Знатки Петергофа будут довольны — в новом музее можно совершить прогулку на Бабигон. Теперь там нет старинной мельницы, а раньше была. Нет сельских домиков, украшавших берега. Но модель такого домика, утвари и мебели теперь можно рассмотреть в одном из залов в мельчайших подробностях.

В одном из залов создан макет Большого Петергофского дворца, канала, парка — это панорама петергофского праздника с высоты птичьего полета. Представляю, как туристы, забредшие в Петергоф зимой, будут рассматривать это

идумать, что непременно приедут сюда, чтобы увидеть такую красоту вживую.

Галина АРТЕМЕНКО, фото автора

ВСТРЕЧА

В ПЕТЕРБУРГЕ ПИСАТЕЛЬНИЦА ПРЕДСТАВИЛА СВОЮ НОВУЮ КНИГУ «ЛЕГКИЕ МИРЫ»

НАМ ЗАПРЕТИЛИ ВЫРАЖАТЬСЯ, А МЫ БУДЕМ

— Внимательный читатель может увидеть на обложке «18+», — сразу предупредила Татьяна Никитична. — Это означает, что в книге употребляется непристойная лексика, она же — подпадающая под закон. Следующее издание «Легких миров» (неминушее) выйдет уже в целлофане, «и это еще больше будет привлекать вас, дорогие читатели. Нам запретили выражаться, а выражаться мы будем и будем делать это все изощреннее».

Книга из трех частей. Первая — «вещи, написанные с прицелом на художественность» (в том числе тексты, опубликованные в литприложении к журналу «Сноб»); вторая — «зарисовки, происшедшие от моих встреч с народом. Бытовуха такая»; третья — это «когда сквозит бытовуху ты видишь, что кроме этого мира, где все такие жвачные животные, есть еще какой-то другой мир».

СЕРИАЛ «ШКОЛА»

Толстая к публике добра: «Буду отвечать на ваши вопросы про все что угодно».

Ободренная публика — сразу, конечно, про «Школу злословия», жившую 12 лет и вдруг почившую.

«Школа злословия» была задумана как программа, в которой ты снимаешь маски с людей. Это работает, когда ты приглашаешь политика: для избирателей он, может, плох, а на самом деле добрый и любит котят. Или наоборот. У нас были Горбачев, Гайдар, Чубайс... Немцов был, но его, кажется, запретили. Цензура в этом смысле всегда была. А потом политики стали отходить, мы уже довольствовались министрами, и идея показывать, кто гость на самом деле, стала не такой резко актуальной. Хотя людей, которые не имеют отношения к политике — Волочкову или Собчак, — конечно, интересно помучить... А потом разоблачать стало как-то некого, и все это превратилось в разговоры с интересными людьми.

— Естественной ли смертью почил «Школа»? — интересуется публика.

— Нет, нас просто не продлили. Гоняли по сетке, сокращали время. В этом году совсем забесились — и закрыли. Хотя передача прекрасно могла существовать, она была дешева для телевидения, мы были такие низкооплачиваемые работники, и, в конце концов, она никому не мешала. Мы тихо разговаривали с интеллигентными, никому не известными людьми.

(Смех, аллодисменты.)

Татьяна Никитична телеканал НТВ, впрочем, благодарна: 10 лет их терпели. Телеканал «Культура», как известно, вытерпел только два года.

— На ТВ в том виде, в котором шла программа, она больше существовать не будет. И мы с Авдотьей Андреевной не будем вести другую программу — «в каком-то виде в другом составе» — не исключает.

...Еще Татьяна Никитична — из тех писателей, кто не интересничает, а щедро рас-

Татьяна Никитична пользуется популярностью — как и ее книги.

сказывает про «творческую лабораторию».

— Писатель — это такой псих. Не писать ты не можешь. Ты видишь какие-то сны наяву, у тебя в голове идет какое-то кино, и это кино настойчиво хочет перенестись в слова. И если ты не назовешь, не найдешь край, за который он не пойдет. Вот у него есть балкон, и там оградка... У Прилепина балкон без оградки. Лучшие страницы — это когда его герой заходит в магазин, а это девичья, и в магазине много сортов колбасы. Ярость! Ярость слепит ему глаза! — Будто страшную сказку рассказывает Татьяна Никитична. — Сволочь! Сволочь! Колбаса эта! И герой, значит, выбегает во двор, чтобы схватить какую-нибудь кувалду и — крушить! Крушить какую-нибудь «тойоту», на которой кто-то приехал купить эту колбасу!

Публика смеялась, видимо, топя в смехе тревогу, потому что «если бы их было много, Захаров Прилепных, и они бы выходили лбами, то нам, людям в очках, надо было бы запереть ворота. Вандалы — особенные люди, они в своем праве».

...Про Алексея Николаевича Толстого, дедушку, разговор как-то не зашел, зато зашел о Льве Николаевиче (все равно все Толстые — родственники). И как назло, опять в связи с Прилепными.

Года четыре назад немцы затеяли проект-фильм о Льве Толстом, пригласили нескольких наших писателей, в том числе Андрея Битова, Татьяну Толстую и Прилепина.

— Идея была такая: они нас привозят в Ясную Поляну и мы там производим какие-то действия. Разговариваем, то-се.

Но сценарий для каждого прислали впритык к съемкам. Татьяна Никитична прочла свою часть — «и пришла в нечеловеческую ярость».

ТОЛСТОЙ, ТОЛСТАЯ И ПРИЛЕПИН

Публика, чуть посмуцавшись, все же любопытствовала: что там у Татьяны Никитичны с Захаром Прилепным? Тот ее обзывал «барыня» в своем произведении (эссе) с красноречивым названием «Отборный козий изюм».

— Бойтись! Бойтись меня Захарушка! — делая страшные глаза, пророкотала Татьяна Никитична. — Захар Прилепин, как я это вижу, человек очень талантливый. Но глубоко невежественный. Он же якобы университет заканчивал какой-то... Нет, не народный, какой-то государственный. Если вправду это произошло, то тогда это совсем тяжелый случай. У него не образовался вот этот костный скелет, на который нарастают мясо, жир, мышцы и все такое, что делает из скелета — человека. Он, конечно, чует, и если бы он был зверем...

Тут Татьяна Никитична правдоподобно

изобразила рыскающего и принохивающегося хищника.

— «Санья» мне очень понравился. Там нет ни тени интеллигентности. Как пишут интеллигенты, я хорошо знаю, интеллигент — это другая структура сознания, имеется край, за который он не пойдет. Вот у него есть балкон, и там оградка... У Прилепина балкон без оградки. Лучшие страницы — это когда его герой заходит в магазин, а это девичья, и в магазине много сортов колбасы. Ярость! Ярость слепит ему глаза! — Будто страшную сказку рассказывает Татьяна Никитична. — Сволочь! Сволочь! Колбаса эта! И герой, значит, выбегает во двор, чтобы схватить какую-нибудь кувалду и — крушить! Крушить какую-нибудь «тойоту», на которой кто-то приехал купить эту колбасу!

Публика смеялась, видимо, топя в смехе тревогу, потому что «если бы их было много, Захаров Прилепных, и они бы выходили лбами, то нам, людям в очках, надо было бы запереть ворота. Вандалы — особенные люди, они в своем праве».

...Про Алексея Николаевича Толстого, дедушку, разговор как-то не зашел, зато зашел о Льве Николаевиче (все равно все Толстые — родственники). И как назло, опять в связи с Прилепными.

Года четыре назад немцы затеяли проект-фильм о Льве Толстом, пригласили нескольких наших писателей, в том числе Андрея Битова, Татьяну Толстую и Прилепина.

— Идея была такая: они нас привозят в Ясную Поляну и мы там производим какие-то действия. Разговариваем, то-се.

Но сценарий для каждого прислали впритык к съемкам. Татьяна Никитична прочла свою часть — «и пришла в нечеловеческую ярость».

— По этому немецкому сценарию в в городе Туле выхожу из магазина тульских пряников, приобретаю тульский пряник большой, и что-то такое рассуждаю про Софью Андреевну.

«Лапти-кокошник», — резюмировала Татьяна Никитична. Как оказалось, Андрей

Битов тоже ругался насчет своей части и заявил, что как захочет говорить, так и будет. Вот они и говорили что хотели.

— Я Захара спрашиваю: а ты чего? Или мы «на въ», не помню... А он: «Я человек простой, мне что сказали, то и говорю». Пипец!

ХОТЕТЬ ПРЕМИИ — ЭТО БОЛЕЗНЬ МУЖСКАЯ

Повесть «Легкие миры», давшая название всей книге, уже удостоилась Премии Белкина, но «это вообще-то мужская болезнь — хотеть премии». У Татьяны Никитичны даже теория есть, почему так. Почерпнула в старом учебнике по психиатрии, где был описан персонаж, имевший при себе документ: такой-то имеет право на ношение на левой стороне груди всех блестящих предметов. Эти медали персонаж делал из металлических пробок.

— Я вот думаю, когда люди хотят какую-нибудь «звезду» какой-нибудь восьмой степени — это то самое «ношение всех блестящих предметов на левой стороне». А женщинам удобнее — нам и так полагается бижутерия.

Вот денежная часть премии Татьяне Никитичне интересна. В этом ей вряд ли близок Лев Николаевич. Ехал он, рассказывает Татьяна Никитична, именные покупать, представлял себе, как все хорошо там устроит, остановился в Арзамасе на постоялом дворе, дали ему комнату — белевые стены, маленькое окно квадратное с красной занавесочкой...

— И вдруг на него напал ужас. Как он пишет, испытал духовную тошноту. Паническая атака, сказали бы сейчас. Только утром прошло — но после этого и стряслось духовное преобразование, ребрендинг ценностей. «Много ли человеку земли нужно» и т. д. На что совершенно психически здоровый до последнего вдоха Чехов сказал: три аршина земли нужны трупу, а не человеку.

Татьяна Никитична тоже не видит ничего дурного в том, чтобы иметь именные.

ПРЕПОДАВАНИЕ

Пойти преподавать в какой-нибудь литинститут — этого Татьяне Никитичне не привиделось господи. «Я преподавала в Америке. Лучшее смерть».

В Принстонском, например, была группа аспирантов. Русский они знали. Но Толстая им Зошенко читает — а они не смеются.

— Я обнаружила, что эти аспиранты ни одной русской сказки не читали, ни «Колобка», ни «Козу-дерезу». А мне кажется, что это ужасно. Существуют вещи, которые растворены в ткани нашей литературы. Как в ткани западной литературы растворены Евангелия. Вот как Джойса читать, не зная Нового Завета?

Впрочем, Заветы западные студенты тоже не очень знают.

— Знали, что Иисус был распят, а что дальше-то было? Говорю на заседании кафедры: люди должны прочесть то-то и то-то. А мне: «Ты что! Нам влетит, это же религиозная литература!» — «Почему? Можно читать и как литературный текст, как исторический».

Но, как выяснилось, если бы кто сумел преподнести библейские тексты как литературные — воспользовалась бы религиозная общественность.

Там вообще запущено. Хуже, чем у нас, честное слово.

— В Беркли же был случай такой. Умер профессор французского языка, надо нового искать. А умерший был геом. И вот нашли нового профессора, прямо во Франции. А он не гей. И тут студенты подняли страшный крик: хотим, чтобы был гей! Несчастное руководство Беркли замесалось, нашло какую-то хитрость в договоре, к чему-то придралось... И послали француза в ж...

РУССКИЙ ВОПРОС

Напоследок Татьяне Никитичне напомнили, что русские у нее в произведениях какие-то неприятные. И, мол, так кто для вас русские, Татьяна Никитична?

— Наша семья в России существует где-то с тысяча триста какого-то года. Мы сюда приехали, по-видимому, в лице Индриса с сыном и сели в Чернигове боярами — извини, Прилепин. Дальше идут легенды, что внук этого Индриса был за невероятную толщину прозван Толстой. Есть еще теория, что будто бы мы и от короля Тедмина; может — так, может — не так. Были еще французы какие-то — многие любили себя во французью возводить... Затем прискакали татары в большом количестве, породили других разных моих предков, например Тургеневых. Мать Алексея Толстого, моего деда, — Тургенева. Еще один мой предок из норвежцев, ехал через Швецию, оброс шведской родней. Со стороны мамы, Лозинские, — по-видимому, поляко-украинские. Со стороны моей бабушки, жены Лозинского, — там евреи... Вот кто такие русские.

Вопросы еще были такие.

— А вас ваши дети читают?

— А не знаю. Я им даю свои книжки, но они никогда не скажут.

— А вы читаете, что ваш сын Артемий Лебедев в Интернете пишет?

— Читайте, мне очень нравится. Он гораздо более лихой писатель, чем я. То, что я много лет разрабатывала, — вот эту легкую руку, легкий синтаксис — ему удается совершенно без труда.

— Вы часто говорите «Питер», а многие петербуржцы такого не любят...

— Ну, постоянно говорить «Петербург» — все равно что свою жену называть «супруга». Питер — старое название.

Подготовила Александра ШЕРОМОВА
Фото Интерпресс

ВНИМАНИЕ, КОНКУРС!

Опера для Шалапина

Дом-музей Шалапина (филиал Музея театрального и музыкального искусства) совместно с газетой «Вечерний Петербург» продолжает конкурс, посвященный выдающемуся оперному певцу Федору Ивановичу Шалапину.

КОНКУРС приурочен к выставке «Петербургский Монмартр», открывшейся недавно в стенах музея. Она рассказывает о Шалапине, который жил на Пермской улице (ныне улица Графтио) с 1915 по 1922 год, и о соседях великого певца, проживавших неподалеку, на Каменноостровском проспекте.

Благодарим всех читателей, ответивших на второй вопрос нашего конкурса. Все участники правильно назвали имя младшей дочери Шалапина, но, к сожалению, никто не ответил, почему он назвал дочь этим именем.

Итак, правильный ответ.

Имена дочерям Федор Иванович Шалапин выбрал в соответствии с любимыми операми. Старшую дочь звали Марфа (опера Мусоргского «Хованщина»), среднюю — Мариной (опера «Борис Годунов»). Имя младшей дочери долго не могли выбрать: Шалапин ждал сына и хотел назвать его Досифеем (опера Мусоргского «Хованщина»). После рождения дочери Шалапин в святых увидел мужское имя Дасий. И решил, что производное от этого женское имя — Дасия — вполне подойдет. Так, вместе с Максимом Горьким, изрядно подпоив священника, они уговорили его окрестить дочь этим именем.

ТРЕТИЙ ВОПРОС

Отдавая дань восхищения уникальному таланту Шалапина, композиторы посвящали ему свои произведения. Какая опера и каким композитором была написана на знаменитый литературный сюжет специально для Шалапина?

Ответы присылайте на электронный адрес arsenevaz@mail.ru

Победители конкурса получат приглашения на выставку и в музей.

Подготовила Мишель ЧАПЛИНА